

Мария Эдуардовна Клопова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
E-mail: mklopova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8723-5838

Портрет семьи на фоне эпохи (А. И. Добрянский, Грабарь, Геровские)

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.05

Аннотация: В статье исследуется история семьи выдающихся деятелей карпато-русского возрождения. Глава семьи А. И. Добрянский сыграл значительную роль в становлении национальной идентичности восточнославянского населения Габсбургской монархии. Одним из первых он выдвинул идею создания отдельной восточнославянской («русской») провинции в составе империи во время революционных событий 1848–1849 гг. Позднее он принимал активное участие в культурно-национальной жизни русинов империи. Его дети были верными последователями отца. Старшая дочь Ольга, ставшая женой русинского политика Э. Грабаря, вместе с отцом была обвинена в государственной измене и предстала перед судом в 1882 г. Другая дочь, Алексия Геровская, руководила женским русофильским обществом в Черновцах. Третье поколение этой семьи также оставило след в истории. Братья Геровские — активные участники русофильского движения, по обвинению в антигосударственной деятельности были заключены в тюрьму, откуда бежали в Россию. Сын Ольги Грабарь Игорь стал выдающимся русским художником, реставратором, искусствоведом.

Ключевые слова: Добрянский, Грабарь, Геровский, русофильское движение, Угорская Русь, Галиция

Maria E. Klopova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies
Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia
E-mail: mklopova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8723-5838>

Portrait of a family on the background of the epoch (A. I. Dobryansky, Grabars, Gerovskys)

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.05

Abstract: The article examines the history of the family of prominent figures of the Carpathian-Russian Renaissance. The head of the family, A. I. Dobryansky, played a significant role in the formation of the national identity of the East Slavic population of the Habsburg monarchy. He was one of the first to put forward the idea of creating a separate East Slavic ("Rus") province within the empire during the revolutionary events of 1848–1849. Later, he took an active part in the cultural and national life of the Russian population of the empire. His children were loyal followers of their father. The eldest daughter Olga, who became the wife of the Rusyn politician E. Grabar, together with her father, was accused of high treason and brought to trial in 1882. Another daughter, Alexia Gerovskaya, led a women's Russophile society in Chernivtsi. Other daughters and sons of Dobryansky were also active in the Russophile movement. The third generation of this family also left a mark on history. The Gerovsky brothers are also active participants in the Russophile movement, and were imprisoned on charges of anti-state activities, from where they fled to Russia. Olga Grabar's son Igor became an outstanding Russian artist, restorer, and art critic.

Keywords: Dobryansky, Grabar, Gerovsky, Russophile movement, Hungarian Rus', Galicia

В 2021 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Игоря Эммануиловича Грабаря. Его имя хорошо знакомо всем интересующимся историей русского искусства. Для одних он в первую очередь автор прекрасных живописных работ, для других — один из основателей отечественной школы реставрации, благодаря усилиям которого мы видим сияющие краски «Троицы» Андрея Рублева и фрески Троице-Сергиевой лавры, многолетний попечитель Третьяковской галереи, автор многочисленных работ по истории искусства. Такая многогранность И. Э. Грабаря, с равной энергией ищущего новое в искусстве, открытого европейским тенденциям, и стремившегося сохранить культурное наследие России во всей его полноте, на наш взгляд, во многом сформировалась благодаря опыту первых лет его жизни, традициям его семьи и всей той полиэтничной, поликонфессиональной, резко противоречивой, но весьма содержательной общественной и культурной жизни Габсбургской монархии, в особенности ее «русских» земель, где прошло детство Игоря Грабаря.

Историю семьи художника, очевидно, стоит начать с самой яркой фигуры — деда художника Адольфа Ивановича Добрянского-Сачурова (1817–1901), выдающегося деятеля национального возрождения

русинов Габсбургской монархии. По словам его внука, «в Австро-Венгрии он был признанным главой славянства, самое имя его было символом объединения славянства»¹. Происходил Адольф Иванович из старого шляхетского рода². Отец и дед его были священниками, как и большинство представителей немногочисленной русинской интеллигенции. Родился Адольф Добрянский в Рудлове (совр. Словакия) и, как и его родные, был прекрасно и весьма разносторонне образован. Он уже с юности хорошо знал не только русский, но и немецкий и венгерский языки, а также французский, латынь и древнегреческий³. Высшее образование получил на юридическом и философском факультетах университетов в Кошице и Эгере. Позднее изучал горное дело и лесоводство в Горной академии в Банской-Штьявнице. За годы учебы Добрянский приобрел не только профессиональные знания, но и многочисленные знакомства со студентами-славянами. Эти дружеские связи, несомненно, оказали влияние на формирование общественно-политических взглядов Добрянского: он увлекся славянофильскими идеями, а также сформулировал свое понимание роли греко-католической церкви, которую он воспринимал как мост, соединяющий русинов Габсбургской монархии с православным миром.

Начав свою профессиональную деятельность в 1840 г., Добрянский быстро преуспел в ней. В 1844 г. он был награжден за отличную службу и направлен в Вену для совершенствования знаний в области строительства и горного дела. Его карьера успешно развивалась, и, кажется, все говорило о том, что он станет одним из многочисленных успешных чиновников империи Габсбургов. Однако революционные события 1848–1849 гг. решительно изменили его судьбу.

Начавшееся в марте 1848 г. венгерское восстание первоначально было встречено Добрянским с воодушевлением, которое вскоре сменилось горьким разочарованием. Рост националистических настроений в среде венгерских революционеров шел вразрез со стремлением Добрянского обеспечить равными с венгерским большинством правами другие народы Венгерского королевства. Добрянский, избранный в Национальное собрание Венгрии от словацкого населения

¹ *Грабарь И. Э.* Моя жизнь: Автобиография. М.; Л., 1937. С. 16.

² *Аристов Ф. Ф.* Карпаторусские писатели. Т. 1. М., 1916. С. 145.

³ Там же. С. 146.

Банской-Штъявницы, не смог получить мандат, результат выборов был аннулирован.

Добрянский участвовал в подготовке Славянского съезда в Праге 1848 г., и, хотя лично он на съезде не присутствовал, именно там был представлен его проект о создании отдельного «Руського воеводства», состоящего из восточной части Галиции, части Буковины и Угорской Руси. Эта идея — создание отдельной «русской провинции» — так или иначе повторялась в политических программах почти всех «русских» политических объединений, как русофильских, так и украинских, вплоть до начала Первой мировой войны. В январе 1849 г. по инициативе А. И. Добрянского молодому императору Францу Иосифу была подана петиция от имени русинов Угорской Руси, в которой содержалось предложение о создании особого коронного края в составе Угорской Руси, части Буковины и части Галиции.

Добрянский осуждал действия венгерских революционных властей и серьезно опасался преследований с их стороны. Поэтому в 1849 г. он переехал в Галицию, где завязал тесные контакты со многими представителями русинского возрождения. Он участвовал в заседаниях первого политического объединения русин — Главного русского совета (*Головной руськой рады*). В качестве гражданского комиссара, представителя австрийского правительства, был прикомандирован к русскому корпусу, направленному на подавление венгерского восстания. За участие в венгерских событиях Добрянский был награжден российскими наградами — орденом Св. Владимира 4-й степени, орденом Св. Анны 3-й степени, медалью «За усмирение Венгрии и Трансильвании», а также двумя драгоценными пистолетами от графа Паскевича⁴.

После подавления венгерского восстания Добрянский продолжал службу сначала в должности советника и начальника канцелярии Ужгородского округа, созданного во многом благодаря его второму обращению к императору в октябре 1849 г., в котором Добрянский уже не говорил о создании отдельного коронного края, но предлагал создать отдельную административную единицу в составе Венгерского королевства с официальным признанием русинского языка и введением его в систему образования и управления. Ужгородский округ просуществовал всего несколько месяцев, после его

---

⁴ Там же. С. 149.

упразднения Добрянский продолжил службу в Кошице, Будапеште, Ораде. За успешную службу он неоднократно получал поощрения и награды, а в 1857 г. ему было присвоено дворянство с прибавлением к фамилии «Сачуров». В 1864 г. он был назначен советником-докладчиком венгерской королевской канцелярии в Вене. Должность эту Добрянский покинул в 1867 г., с началом эпохи дуализма.

В 1861 г. он впервые был избран депутатом венгерского сейма и, несмотря на резко негативное отношение к нему венгерского большинства, оставался им до 1868 г. Именно в эти годы на первое место в жизни Добрянского вышла не карьера успешного чиновника Габсбургской монархии, но работа общественно-политического деятеля. Уже его первая речь в венгерском сейме, которую ему не удалось произнести из-за противодействия венгерского большинства, была ярким свидетельством его зрелой политической позиции⁵. В последующие годы Добрянский также активно участвовал в работе сейма, особое внимание уделяя проблемам невенгерского населения.

Выйдя в 1867 г. в отставку, а в следующем, 1868 г., закончив свою деятельность в качестве депутата сейма, Добрянский отнюдь не отстранился от активной общественной работы. Он вел активную просветительскую деятельность, поддерживал контакты с единомышленниками в Галиции и Буковине. Именно в эти годы Добрянский написал основные свои публицистические работы и прежде всего «Проект политической программы для Руси австрийской» (1871), в котором обосновывал основные, с его точки зрения, принципы политического развития русинского населения Австро-Венгрии. Занимался Добрянский и историческими исследованиями⁶.

Его внук Игорь Грабарь писал в своей «Автобиографии»: «Всю свою жизнь дедушка отдал на борьбу против мадьяризации русских и славян в Австро-Венгерской империи. Фанатический поборник славянской идеи, он неоднократно ездил в Россию, был в дружбе с Хомяковым, Аксаковым и всеми славянофилами. В славянофильских кругах его встречали не только радушно, но и с почетом, а в Австро-Венгрии он был признанным главой славянства и самое имя его было символом объединения славянства»⁷. Важнейшим направлением

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Юрасов М. К. А. И. Добрянский как историк // Русин. 2012. №3. С. 78–82.

⁷ Грабарь И. Э. Моя жизнь. С. 15.

деятельности Добрянского была борьба за сохранение национального характера греко-католической церкви в Угорской Руси. Он неоднократно высказывался в пользу ее автономии, активно участвовал в работе Общества св. Иоанна Крестителя в Прешове и Общества св. Василия Великого в Ужгороде.

Среди его единомышленников и верных соратников был адвокат Эммануил Игоревич Грабарь (1831–1910). В отличие от Добрянского, Э. Грабарь в 1849 г. примкнул к венгерским революционным войскам, а после поражения революции поддерживал контакты с ветеранами революционной армии. При этом Э. Грабарь негативно относился к политике мадьяризации, активно проводившейся Будапештом и заметно усилившейся после заключения дуалистического соглашения 1867 г. Будучи убежденным сторонником необходимости защищать национальные интересы русинского населения Венгрии, Грабарь присоединился к соратникам А. И. Добрянского, на дочери которого Ольге (1843–1930) и женился в 1863 г. В 1869 г. он был избран депутатом палаты представителей венгерского национального собрания. В 1871 г. в Будапеште родился его младший сын Игорь (старший, Владимир, родился в 1865 г. в Вене). По воспоминаниям самого Игоря Эммануиловича, крещен он был по православному обряду священником-сербом, а восприемником его был о. Кустодиев, родственник известного русского художника⁸.

Политическая позиция Э. И. Грабаря и его деятельность, направленная на борьбу с усиливавшейся мадьяризацией, настроили венгерские власти против него, и в 1871 г. он вынужден был уехать в Италию. Там, в Милане, он стал домашним учителем детей крупного русского промышленника Демидова. Через три года Грабарь вместе со своими воспитанниками переехал в Париж, а затем в 1876 г. приехал в Россию. Здесь он принял фамилию Храбров, которую впоследствии носили и переехавшие к нему в Россию сыновья⁹.

В России Эммануил Грабарь (Храбров) предпочел педагогическую деятельность юридической и, выдержав экзамен при Московском учебном округе, стал учителем немецкого и французского языков в г. Егорьевске Рязанской губернии. Несколько раз он менял

---

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 17.

место службы, пока не осел окончательно в Юрьеве (совр. Тарту), где получил должность помощника ректора университета. Очевидно, в Юрьев Грабарь переехал не случайно: в эти годы ректором университета был его свойственник, известный русский филолог Антон Семенович Будилович, женатый на второй дочери А.И. Добрянского – Елене. Будилович был не только родственником Добрянских, но и единомышленником, основателем Галицко-русского общества, целью которого было укрепление связи между Россией и русинами Австро-Венгрии.

После отъезда Эммануила Грабаря его супруга вместе с детьми переехала к отцу в имение Чертежное. Здесь он, по словам внука, «забил всяческие русские навыки и обычаи, вывезенные из Москвы и подмосковных имений. Он носил русскую бороду и презирал австрийские бакенбарды. Все — от манеры говорить и обращения с дворней до халатов и курительных трубок включительно — было подражанием русскому помещичьему быту. Он всю жизнь скорбел, что его родители, бывшие униатами, дали ему неправославное имя — Адольф»¹⁰. Грабарь вспоминал, что дедушка строго следил за чистотой его русской речи, стремясь избавить ее от влияния местных говоров¹¹. В Чертежном неоднократно бывали гости из России, в том числе и историк Д. И. Иловайский, впервые отметивший склонность мальчика к творческой работе¹². Там же Игорь с удивлением узнал, что рассказы деда о «марше Паскевича» нередко отличаются от воспоминаний местных крестьян, и «подвиги, восхваляемые дедом, через 30 лет проклинали все население нашего округа»¹³. Такая разница в оценках недавнего прошлого удивляла и смущала мальчика, однако он не рисковал задавать вопросы деду, «зная его категоричность»¹⁴.

В 1875 г. А. И. Добрянский сам приехал в Россию, где посетил Варшаву, Вильно, Петербург, Киев и Москву, встречался с К. П. Победоносцевым, М. Н. Катковым, И. С. Аксаковым, С. М. Соловьевым, был принят наследником престола великим князем Александром Александровичем. Эта поездка сыграла роковую роль в жизни семьи

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Там же.

Добрянских. После своего возвращения в Австро-Венгрию Добрянский попал под полицейское наблюдение. Под подозрением оказались и его родные. Очевидно, именно поэтому сыновья Эммануила и Ольги Грабарей переехали в Россию к отцу, хотя сам Игорь Грабарь объяснял это иначе. По его воспоминаниям, ни дед, ни мать не могли даже думать о том, что дети будут учиться не в России. И хотя старший сын Грабарей Владимир уже учился в гимназии в Прешове, но обучение там шло на венгерском языке, и уже одно это было невыносимо для Добрянских. В 1879 г. в Россию переехал Владимир, поступивший в следующем году в Киеве в закрытое учебное заведение — коллегия Галагана, которое закончил в 1883 г. В конце лета 1880 г. в Россию приехали и Ольга Адольфовна с Игорем, который поступил в Егорьевскую гимназию, где в то время преподавал их отец.

Ольга Адольфовна Грабарь, оставив сыновей в России, вернулась к отцу. В это время Добрянский покинул свое имение и по приглашению друзей-русофилов приехал во Львов. Поселившись у другого своего зятя, адвоката Юлиана Геровского (1867–1910), также активного участника русофильского движения, Добрянский активно включился в общественную жизнь. На него произвела гнетущее впечатление разобщенность местных деятелей национального движения, их взаимные дразги и ставший уже явным раскол между сторонниками русофильской и украинской ориентации. Стремясь преодолеть негативные тенденции в галицко-русском движении, Добрянский возглавил общество «Русское кассино», активно встречался с представителями разных направлений. Подобная деятельность не могла не привлечь в себе внимания властей, а в сложившихся условиях это внимание носило весьма негативный характер. На рубеже 1870–1880-х гг. отношения между Российской империей и Австро-Венгрией были достаточно напряженными, и основной причиной подобной напряженности было их соперничество на Балканах. В этих условиях пророссийская агитация сторонников русофильского движения могла вызывать в Вене лишь раздражение. Крайне негативно воспринималась деятельность Добрянского и его единомышленников и в Будапеште, и среди польской элиты Галиции¹⁵. Неудивительно, что вскоре полиция нашла повод к задержанию Добрянского и его близких.

¹⁵ Клопова М.Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX в. М., 2016. С. 51–52.

В определенном смысле арест Добрянского и других стал результатом стечения обстоятельств. Незадолго до его приезда во Львов крестьяне села Гнилички в Восточной Галиции изъявили желание перейти в православие. Непосредственным поводом к этому стал их конфликт с местным священником и поддержка, которую они получили от своего помещика-румына. Прощение от имени крестьян было написано священником Иваном Наумовичем (1826–1891), одним из лидеров русофильского движения в Галиции¹⁶. Сам Наумович также выразил желание перейти в православие. И хотя прошение о создании отдельного прихода было удовлетворено, сама попытка перехода в «схизму» рассматривалась галицийскими властями как крайне опасный прецедент¹⁷. Поскольку события в Гниличках совпали по времени с приездом Добрянских во Львов, полиция сделала вывод о тесной взаимосвязи этих событий. В ходе расследования было установлено, что Добрянский встречался с местными деятелями русофильского направления, а его дочь ведет активную переписку в том числе и с российскими адресатами. Ольга Адольфовна подверглась обыску, при котором были обнаружены письма ее брата Мирослава Добрянского (1849–1898?), за несколько лет до этих событий эмигрировавшего в Россию. Возможно, дополнительным аргументом со стороны обвинения стал тот, что Мирослав служил чиновником в аппарате варшавского генерал-губернатора.

Австрийские власти, сопоставив события в Гниличках и приезд Добрянских во Львов, сделали вывод о существовании некоей организации, занимавшейся «панславистической пропагандой» и имевшей своей целью возбуждение в Австро-Венгрии смуты и отделения от империи Галиции, Буковины и Угорской Руси. В начале 1882 г. был произведен ряд арестов по подозрению в «государственном преступлении». Главными виновниками и руководителями преступной группы были представлены Адольф Добрянский и о. Иван Наумович. Кроме них, по этому обвинению были арестованы Ольга Грабарь, также редакторы русофильских изданий «Слово» и «Пролом»,

¹⁶ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. С. 59–78.

¹⁷ Неменский О. Б. Политические игры с русским именем в Австро-Венгрии (по материалам стенограммы судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь и товарищами) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. СПб., 2016. С. 29–63.

ряд других деятелей русофильского движения¹⁸. Все они были посажены в следственную тюрьму, за время нахождения в которой, как вспоминал Игорь Грабарь, «мать успела по самоучителю выучиться английскому языку»¹⁹.

Судебное разбирательство началось 31 мая (12 июня) 1882 г. Основным обвинением была приверженность обвиняемых к «российскому панславизму», в котором обвинение усматривало угрозу Австро-Венгрии²⁰. При этом, как вспоминал Игорь Грабарь, «ни дед, ни мать никогда не скрывали, что их мечта — видеть эти земли воссоединенными с Россией, но открыто своих идей в такой именно форме не проповедовали. Тем не менее прокурор требовал для матери смертной казни, которая казалась неизбежной»²¹. В руках стороны обвинения одним из основных документов стала записка, представленная министром-президентом Венгрии графом Кальманом Тисой, в которой граф прямо обвинял Добрянского в антигосударственной деятельности²². Добрянский выступил с блестящей защитной речью, в заключение которой сказал: «Я не знаю за собой никакой вины, которая могла бы возбудить против меня подозрение. Если же дело идет о том, что я пользовался правами, которые обеспечены каждому гражданину основными законами, то я не думаю, что кто-нибудь в мире мог осудить меня по этому поводу»²³. В итоге шестеро из одиннадцати подсудимых, включая Добрянского и его дочь, были оправданы, остальные были приговорены к разным срокам заключения за «нарушение публичного спокойствия». Интересно, что Добрянский рассказывал внуку незадолго до смерти о том, что истинной причиной быстрого окончания судебного разбирательства стало его письмо императору Францу Иосифу, в котором он грозил в случае неблагоприятного приговора рассказать, как этот император вскоре после усмирения венгерского восстания и революции 1848 г. предлагал ему графский титул за отказ от идеи славянского объединения и за обуздание славянских вождельцев²⁴. Так или иначе, дело,

¹⁸ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения. С. 68.

¹⁹ Грабарь И. Э. Моя жизнь. С. 27.

²⁰ Немелский О. Б. Политические игры... С. 37.

²¹ Грабарь И. Э. Моя жизнь. С. 28.

²² Аристов Ф. Ф. Карпаторусские писатели. С. 171.

²³ Там же.

²⁴ Грабарь И. Э. Моя жизнь. С. 28.

по сути, рассыпалось в зале суда. Однако «процесс Ольги Грабарь» нанес серьезный удар по русофильскому движению в Галиции, да и в Австро-Венгрии в целом.

Ольга Грабарь сразу после вынесения ей оправдательного приговора уехала в Киев, где смогла наконец встретиться с мужем и сыновьями. После того как им удалось решить вопрос с образованием сыновей, Ольга Адольфовна уехала в Измаил, где ее муж получил должность учителя немецкого языка в местной гимназии. Сыновья же поступили в Санкт-Петербургский университет, на юридический факультет. И если старший сын Владимир продолжил юридическую карьеру, то Игорь, хотя и закончил в 1893 г. университет, уже в следующем, 1894 г. поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге, и с тех пор вся его жизнь была связана с искусством. После окончания университета он добился восстановления своей истинной фамилии — Грабарь. Тогда же, по его словам, и вкралась в его документы досадная ошибка: при замене паспорта подвыпивший паспортист вписал местом рождения Петербург и решительно отказывался исправлять написанное, уверяя, что такого города, как Будапешт, не существует, а в участке лучше знают²⁵.

Адольф Иванович Добрянский вынужден был покинуть не только Львов, но и собственное имение Чертежное. Первое время он жил в Вене, а остаток дней провел в Инсбруке, куда был по службе переведен его зять Юлиан Геровский. Последние годы его жизни были посвящены научной и литературной деятельности. Скончался А. И. Добрянский 6 (19) марта 1901 г. и был похоронен в родном Чертежном при огромном скоплении народа²⁶.

Дело отца во многом продолжила его дочь Алексия (1857–1916), жена адвоката, директора Ставропигийского института и депутата Рейхсрата Юлиана Геровского. Переехав в 1895 г. вместе с мужем и сыновьями из Инсбрука в Черновцы, она продолжила общественную работу в русофильских организациях. Несмотря на то что Буковина, даже на пестром фоне Габсбургской монархии, отличалась полиэтничностью и поликонфессиональностью, пропаганда «русского дела» также была сопряжена с немалыми трудностями. Так, их сын Алексей был

²⁵ Там же. С. 16.

²⁶ *Аристов Ф. Ф.* Адольф Иванович Добрянский-Сачуров // Русский архив. 1913. Кн. 1–2. № 3. С. 377–411; Кн. 1–2. № 4–5. С. 663–706.

исключен из гимназии за расклеивание объявлений на русском языке, сам Юлиан Геровский не раз испытывал профессиональные сложности в связи со своей общественной деятельностью. Тем не менее на фоне достаточно разобщенной и инертной массы буковинских русофилов Геровские выделялись энтузиазмом и уверенностью в своем деле. Характеризуя настроения в этих кругах, российский консул в Черновцах Доливо-Добровольский писал: «ярко выделяется энергическая личность представительницы “Общества русских женщин Буковины” и устроительницы приюта для малолетних русских — Геровской (Геровская — дочь Добрянского)»²⁷. С ранней юности идеи родителей восприняли сыновья Геровских — Алексей (1883–1972), Георгий (1886–1959) и Роман (точные годы жизни неизвестны), которые также стали активными участниками борьбы за «русское дело».

В 1903 г. братья Геровские, совсем молодые люди, недавние студенты, оказались свидетелями противостояния жителей села Иза с венгерскими властями, причиной которого стало желание крестьян иметь в своем приходе православного священника и категорическое нежелание властей выполнить их законные требования²⁸. Чуть позднее, по воспоминаниям самого А. Геровского, к нему обратился с просьбой оказать поддержку борющимся за «старую веру» жителям Изы один из греко-католических священников, особенно подчеркивая, что Геровский как внук Добрянского, несомненно, имеет такую возможность²⁹. Действительно, Алексей благодаря связям своего свойственника А. С. Будиловича смог способствовать тому, чтобы жители Угорской Руси обрели своего пастыря — А. Кабалука³⁰. Вскоре после этого Геровские навсегда были высланы из пределов Венгерского королевства и обосновались в Черновцах. Геровские также посещали Россию: Киев, Почаевскую лавру, встречались с епископом Вольнским и Житомирским Антонием (Храповицким), активным сторонником возвращения в православие русинов Австро-Венгрии.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 456. Д. 29. Л. 16–41.

²⁸ Там же.

²⁹ *Геровский А. Иза* и Сиготский процесс // Свободное слово Карпатской Руси. 1961. № 11–12. С. 3–5.

³⁰ *Клопова М.Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918. М.; СПб., 2016. С. 321–332.*

Кроме того, А. Геровский издавал в Черновцах газету «Русская Правда» и ежемесячник «Вера и Церковь» и распространял их среди крестьян Угорской Руси. По его воспоминаниям, многие крестьяне приходили к нему за газетой и книгами издавала, некоторые пешком³¹.

Деятельность братьев Геровских не могла не привлечь негативного внимания властей, и в декабре 1913 г. им были предъявлены обвинения в рамках Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.³² Геровские были названы вдохновителями и руководителями организации, замышлявшей государственную измену. Алексей Геровский вспоминал, что информацию о готовящемся аресте получил задолго до начала процесса, когда находился на лечении в России, а главный обвиняемый, о. Алексей (Кабалюк), совершал пастырскую поездку по Америке. По словам Геровского, следователи в Марамарош-Сигете пытались убедить обвиняемых крестьян в том, что их лидеры бросили их на произвол судьбы, и, таким образом, подорвать их моральный дух. И Кабалюк, и Геровский сочли необходимым вернуться на родину, дабы разделить участь своих единомышленников³³. О. Алексей был арестован сразу, Алексей Геровский и его брат Георгий, а также члены их семей — спустя некоторое время. Им также предъявили обвинение в государственной измене.

Предъявленные подсудимым обвинения во многом повторяли те, что прозвучали на суде против А. И. Добрянского и О. А. Грабарь, о чем писал их брат, Роман Геровский, который опубликовал в российской газете «Новое время» открытое письмо министру-президенту Венгрии Стефану Тисе³⁴. В письме он решительно опроверг обвинения, предъявленные ему и его братьям. Он напомнил, что дядя нынешнего министра, граф Кальман Тиса, выступил с подобными обвинениями на процессе 1882 г., и тогда эти его слова не нашли подтверждения в суде. Р. Геровский подчеркнул, что протест против политики венгерских властей и их представителей не может считаться и не является антигосударственной деятельностью. Он заявил, что «мы остались Русскими (так в тексте. — М.К.), не видя между своей национальностью и австрийским патриотизмом никакого противоречия».

³¹ Геровский А. Иза и сиготский процесс. С. 3–5.

³² Клопова М.Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г. С. 329.

³³ Геровский А. Иза и сиготский процесс. С. 3–5.

³⁴ Геровский Р. Открытое письмо // Новое время. 1914. 10/23 мая.

Тем не менее братья Геровские, серьезно опасаясь за свою жизнь, решились на побег из тюрьмы. Ответной мерой стал арест матери Геровских, их сестры и других родных. Бегство Геровских произвело на сторонников русофильского движения в Австро-Венгрии неоднозначное впечатление. По мнению русского посла в Вене Н. Н. Шебеко, много внимания уделявшего славянским, в том числе и русофильскому, национальным движениям в Австро-Венгрии, «бегство не произвело благоприятного впечатления на галичан: в нем можно предположить косвенное признание Геровским своей вины»³⁵. Тем не менее, как и в случае с «процессом Ольги Грабарь» в Марамарош-Сигете, обвинению не удалось полностью доказать вину подсудимых. К различным срокам заключения были приговорены около трети обвиняемых, остальные были оправданы³⁶. Родные Геровских оставались в заключении и в годы Первой мировой войны, их мать, Алексия, в 1916 г. скончалась в тюрьме.

В России Алексей Геровский служил в первые месяцы Первой мировой войны чиновником по особым поручениям при Министерстве иностранных дел. После революции 1917 г. он вернулся в Подкарпатскую Русь (в это время вошедшую в состав Чехословакии), затем в 1930 г. эмигрировал в США, где и скончался в 1972 г. Георгий Геровский, филолог-славист, бежавший вместе с братом из тюрьмы, продолжил обучение в Харьковском университете. В 1924 г. по приглашению брата переехал в Чехословакию, где продолжил научные изыскания. Скончался он в 1959 г. в Пряшеве.

Грабары остались в России. Эммануил Грабарь скончался в 1910 г., его супруга Ольга пережила его на 20 лет и умерла в 1930 г. Владимир Грабарь стал крупным специалистом в области международного права. Игорь Грабарь приобрел всемирную известность как художник, реставратор и искусствовед. Он всегда с особым чувством вспоминал родные Карпаты. В 1955 г., будучи уже очень немолодым человеком, Грабарь посетил Львов и Ужгород, подарив несколько своих картин, среди которых был и портрет его матери Ольги Адольфовны Грабарь, местным музеям³⁷, и всегда с гордостью говорил о своей принадлежности к старинному русинскому роду Добрянских-Сачуровых.

³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 165. Л. 15.

³⁶ Клопова М.Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г. С. 330.

³⁷ *Островський Г. С.* Зустріч с рідним краєм // Дукля. 1990. № 1. С. 56–62.

Литература

Дронов М. Ю. Галицкие, угорские и буковинские русины как объект внимания Русской православной церкви в XIX — начале XX в. // Малороссы vs украинцы. Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР / Редколл.: Е. Ю. Борисенко, М. В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 311–345.

Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2016. 280 с.

Клопова М. Э. Этноконфессиональные аспекты Марамарош-Сигетского процесса 1913 г.: взгляд из России // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / Отв. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 321–332.

Неменский О. Б. Политические игры с русским именем в Австро-Венгрии (по материалам стенограммы судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь и товарищами) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / Отв. ред. Е. Ю. Борисенко. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 29–63.

Пашаева Н. М. И. Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Исторический вестник. 2001. № 1. С. 80–91.

Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Островський Г. С. Зустріч с рідним краєм // Дукля. 1990. № 1. С. 56–62.

Юрасов М. К. А. И. Добрянский как историк // Русин. 2012. № 3. С. 78–82.

References

Dronov M. Yu. Galickie, ugorskie i bukovinskie rusiny kak objekt vnimania Russkoj pravoslavnoj cerkvi v XIX — nachale XX v. *Malorossy vs ukraincy: Ukrainskij vopros v nauke, gosudarstvennoj i kul'turnoj politike Rossijskoj imperii i SSSR* / E. Yu. Borisenok, M. V. Leskinen, eds. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN, 2018. Pp. 311–345.

Jurasov M. K. A. I. Dobrianskii kak istorik. *Rusin*, 2012, no. 3, pp. 78–82.

Kloпова M. E. Etnokonfessional'nyje aspekty Maramarosh-Siget'skogo processa 1913 g.: vzgliad iz Rossii. *Vzaimodeistvija i konflikty na konfessional'no i etnicheski smeshannykh territoriiakh Tsentral'noi i Vostochnoi Jevropy, 1517–1918* / O. V. Havanova, ed. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2016. Pp. 321–332.

Klopova M. E. *Rusiny, russkije, ukraintsy. Natsional'nyje dvizheniia vostochnoslavianskogo naseleniia Galitsii v XIX — nachale XX v.* Moscow: Indrik, 2016. 280 p.

Nemenskij O. B. Politicheskie igry s russkim imenem v Avstro-Vengrii (po materialam stenogrammy sudebnogo processa 1882 g. nad Ol'goj Grabar' i tovarishhami). *Imja naroda: Ukraina i ee naselenie v oficial'nyh i nauchnyh terminah, publicistike i literature* / E. Yu. Borisenok, ed. Saint Petersburg: Nestor-Historia, 2016. Pp. 29–63.

Ostrovskii G. S. Zustrich s ridnim kraem. *Duklia*, 1990, no. 1, pp. 56–62.

Pashajeva N. M. I. G. Naumovich kak obshchestvennyi, politicheskii i religioznyy deiatel' Galichiny vtoroi poloviny XIX veka. *Istoricheskii vestnik*, 2001, no. 1, pp. 80–91.

Pashajeva N. M. *Ocherki istorii russkogo dvizheniia v Galichine XIX–XX vv.* Moscow: Imperskaia traditsiia, 2007. 192 p.